

И.А. ИНШАКОВ*

**СОЦИАЛЬНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ
НАУЧНОГО ЗНАНИЯ:
КЕЙС ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ
ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ЭКОНОМИКИ**

Аннотация. В работе предпринимается попытка анализа исследовательского университета как механизма производства научного знания в форме студенческих курсовых и выпускных квалификационных работ. Для достижения этой цели автор обращается к традиционным концептам социологии науки, концепту власти и идее эпистемического сообщества. В эмпирическом плане работа строится на 20 интервью со студентами и преподавателями Департамента политической науки НИУ ВШЭ, а также на данных онлайн-опроса среди студентов. Рассмотрена практика взаимодействия студента с научным руководителем как основной механизм производства знания: мотивации и критерии отбора с обеих сторон, обязанности и инструменты влияния, возможности досрочного завершения взаимодействия и обращения к внешнему арбитражу. Выделены три модели взаимодействия с разным уровнем интенсивности контактов («симбиоз», «умеренная помощь», «автономия»); при этом выбор студентом модели коммуникации не имеет статистически значимой связи с оценкой руководителя, итоговой оценкой за работу, а также показателями ученой степени, должности и возрастной группы руководителя. Сетевое сообщество студентов и преподавателей рассматривается в качестве вспомогательного механизма производства знания, который действует на основе неформального безоговорочного консенсуса о желательности взаимной помощи даже при отсутствии формальных стимулов. На стадии защит не наблюдается конфликтов из-за разных методологических предпочтений участников, но обнаруживаются содержательные разногласия, отражающие сложную субдисциплинарную структуру современной политической

* **Иншаков Илья Александрович**, ассистент, Департамент политики и управления, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), e-mail: iinshakov@hse.ru

науки. На этом фоне из трех рассмотренных в работе форм власти наиболее проявленной оказывается экспертная власть со стороны научного руководителя или рецензента.

Ключевые слова: социология науки; исследовательский университет; методологии политической науки; эпистемическое сообщество; власть решения; экспертная власть.

Для цитирования: Иншаков И.А. Социальное конструирование научного знания: кейс Департамента политической науки Высшей школы экономики // Политическая наука. – 2020. – № 1. – С. 305–328. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.01.12>

Политическая наука в контексте университета

На сегодняшний день университет остается Меккой производства научного знания в социальных науках. Одновременно университет – это сложное сообщество с широким набором формальных и неформальных практик, иерархическими и сетевыми взаимодействиями. В этом смысле университет был и остается тенью на стене платоновской пещеры, отражением эйдоса идеальной науки, опосредованным реальными практиками ее производства.

Для политической науки вопрос о функционировании университета, о соотношении знания и власти характеризуется очевидной двойственностью. С одной стороны, это вопрос исследовательский, наиболее известные ответы на который дают П. Бурдьё с его концепцией «структурирующих структур» [Бурдьё, 1999] и М. Фуко, обозначивший связь знания и власти в дисциплинарных институтах, к которым можно отнести и университеты [Фуко, 2016]. С другой стороны, рефлексия политической науки о собственных основаниях во многом остается либо на уровне «больших споров» о методологиях и научных направлениях [Easton, 1969; Штраус, 2000; Алмонд, 2000; Шапиро, 2011], либо на уровне изучения целых национальных научных систем и сообществ [Graziano, 1987; Jerez Mir, 2010; о российском случае см.: Пуин, Malinova, 2008; Gel'man, 2015]. Таким образом, возникает лакуна на уровне изучения *локальных* практик производства знания в рамках конкретных университетов и исследовательских центров. В частности, это касается исследований, проводимых студентами в рамках своего образовательного трека в форматах курсовых и вы-

пусковых квалификационных работ по политологии¹, которые в принципе редко рассматриваются в качестве продуктов научного, а не только образовательного процесса.

Ситуация написания первых авторских работ студентом отличается от последующих форматов вовлечения в научную деятельность высокой степенью асимметричности и контекстуальности. Асимметричности – поскольку студент зависим от административных регламентов и находится в неравной позиции по отношению к другим участникам процесса (научному руководителю, руководителю научно-исследовательского семинара, членам комиссии на защите). Контекстуальности – поскольку даже в условиях наличия единых государственных стандартов конкретные практики и формы организации данного процесса варьируют как внутри университета, так и между разными учебными заведениями; при этом многие студенты еще не имеют выхода в широкое профессиональное сообщество, где их работы могли бы быть подвергнуты оценке на основании относительно универсализированных критериев, без учета локальной специфики университетской среды. Таким образом, мы сталкиваемся с уникальным набором практик, который одновременно отличается от последующих форм научной деятельности и в то же время служит первым шагом (а для кого-то – барьером) на пути к ним. Такая амбивалентность процесса написания студенческих исследовательских работ вызывает к жизни потребность в его глубинном, качественном анализе на примере конкретного кейса, который бы позволил максимально полно осветить разные аспекты проблемы.

Методология и концептуальная рамка исследования

Как правило, кейс-стади предусматривает две базовые стратегии отбора кейсов: либо акцент на «типичном», либо, наоборот, на наиболее «выдающемся» случае [Gerring, 2009, p. 105]. Без дополнительного эмпирического обоснования сложно быть уверен-

¹ Здесь нельзя не упомянуть работы Л. Полищука и его коллег по изучению мотиваций студентов [Борисова, Полищук, Суворов, 2013]. Однако такие работы, выполненные на релевантном эмпирическом материале, остаются скорее исключением; кроме того, в них используется экономический подход к анализу проблемы, а не традиция социологии науки, в ключе которой выполнена данная работа.

ными в том, что «типичный» российский университет может быть рассмотрен как реальный механизм производства научного знания в работах студентов. Исходя из этого работа фокусируется на рассмотрении одного из ведущих образовательных центров политической науки в России с большим объемом академических процессов и институционализированными практиками их воспроизведения. Примером такого рода в нашем случае выступает Департамент политической науки – структурное подразделение Высшей школы экономики, существовавшее с 2015 по 2019 г., ответственное за подготовку студентов-политологов¹. Сравнительные характеристики, подтверждающие статус Департамента политической науки как «выдающегося» случая, приведены в Приложении 1. Дополнительным содержательным аргументом является тот факт, что НИУ ВШЭ позиционирует себя именно как исследовательский университет, а программа «Политология» делает акцент в том числе на построении академического трека своих выпускников.

В таком случае *исследовательский вопрос* работы может быть сформулирован в следующем виде: каким образом социальные практики производства политологического знания в Департаменте политической науки влияют на содержание научных работ студентов-политологов?

Ключом к ответу на этот вопрос является разведение *«мира идей»* и *«мира повседневной коммуникации»* по поводу этих идей [Вахштайн, 2006], означающее удвоение нашего объекта исследования. Социальный и исторический контекст формирует науку как одну из *«систем верований»* ([Knorr-Cetina, 1981, p. 2] со ссылкой на [Feuerabend, 1962]), но, будучи сформированными, идеи служат ориентиром для выстраивания практик их создания. Проблема, однако, состоит в том, что никакой «науки как таковой» не существует, – это подробно обосновал Томас Кун, анализируя структуру научных парадигм [Кун, 1975]. Кун тем не менее мыслит структуралистски и акцентирует внимание на *последовательной* смене

¹ Организационная структура ВШЭ имеет два измерения: студенты обучаются на *образовательных программах*, а преподаватели работают в *департаментах и факультетах*. В нашем случае ОП «Политология» на протяжении 2015–2019 гг. реализовывалась в основном силами Департамента политической науки. Исходя из этого, в дальнейшем мы будем употреблять термин «Департамент» как общее обозначение той институциональной площадки, на которой встречаются преподаватели департамента и студенты образовательной программы.

парадигм, вызванной *объективными* предпосылками. Поэтому, с учетом мультиметодологического характера современной политической науки со времен постбихевиоральной революции, для наших целей более релевантен подход Имре Лакатоса [Лакатос, 1995]. Его главное отличие состоит в том, что он подчеркивает *одновременное сосуществование* нескольких *исследовательских программ*, ведущих *конкурентную* борьбу и рано или поздно проигрывающих в ней – либо путем концептуальной капитуляции, либо из-за чрезмерного расширения пояса «предохранительных гипотез».

Что касается уровня «повседневной коммуникации», *научное сообщество*, как отмечает Майкл Полани [Полани, 1985], служит механизмом оценки и превращения «*неявного знания*» отдельных ученых в то, что мы считаем «объективным» знанием. Поскольку сообщество может не только оценивать, но и участвовать в процессе производства научного продукта, оно может быть рассмотрено в качестве *сети* из каналов коммуникации; точнее, в качестве «*эпистемического сообщества*» [Haas, 2008] – разновидности сети, которая состоит из экспертов, обладающих релевантными знаниями в определенной области и разделяющих общие нормативные установки об истине и полезности в этой области. В реальности это сообщество вписано в общий контекст *исследовательского университета*, которым уже по самому своему названию является (или стремится стать) НИУ ВШЭ. Для исследовательского университета характерен «*принцип единства преподавания и исследования*», образования и науки [Куренной, 2007, с. 72], который позволяет рассмотреть работы студентов не просто как образовательные продукты, но как примеры или, по крайней мере, драфты продуктов научного рода.

Данная линия из классических концептов социологии науки в нашем случае должна быть по необходимости дополнена *концептом власти*, используемым для описания властных отношений, присутствующих в среде университета: как в форме деления на студентов и преподавателей, так и в форме иерархии самих преподавателей. Операционально власть рассматривается в трех проявлениях.

– *Власть академического статуса, рассмотренная как власть решения*. Следуя логике Роберта Даля [Dahl, 1957], мы полагаем, что выявление этого типа власти возможно при рассмотре-

нии процесса принятия решений в контексте потенциально конфликтного столкновения интересов – например, в ситуации защиты студенческих работ.

– *Власть предвиденных реакций*. Поскольку очевидно, что в реальности противоречие интересов не всегда выражается в форме прямого столкновения конфликтующих волей, мы обращаемся также к анализу более скрытого уровня власти: «*объект действует в соответствии с волей субъекта без команд с его стороны, предвидя (негативные) реакции субъекта в случае отклонения объекта от данного поведения*» [Friedrich, 1937, p. 16–18].

– *Экспертная власть*. Специфика современного этапа развития политической науки с его высокой субдисциплинарной специализацией открывает широкий простор для проявления экспертной власти, которая основывается на убеждении подвластного субъекта в том, что властвующий субъект обладает специфическими знаниями или квалификациями [French, Raven, 1959].

Для проведения полноценного кейс-стади на выбранном материале была реализована стратегия последовательного использования смешанных методов сбора и анализа данных. Первый этап эмпирической работы – сбор и анализ качественных данных: в феврале – апреле 2017 г. были проведены две серии из десяти полуструктурированных интервью – одна с преподавателями (П) и одна со студентами III (С3) и IV курсов (С4), а также выпускниками 2016 г. (С5). Критериями стратификации выборки выступали возраст и академический статус преподавателя (в случае студентов – их научного руководителя). По этим критериям были выделены три группы преподавателей вместе с руководимыми ими студентами (например, группа А: группа младших преподавателей в должности преподавателя / старшего преподавателя и без степени / с кандидатской степенью; аналогично для групп В и С). Количество респондентов из каждой группы (и преподавателей, и руководимых ими студентов) было выдержано в примерной пропорции к общему объему студенческих работ, которые писались в 2015/2016 учебном году с преподавателями из данной группы.

На втором этапе выводы уточнялись за счет данных, полученных в ходе электронного опроса на платформе Google Survey, проведенного в апреле 2017 г. среди студентов III и IV курсов Департамента, а также выпускников 2016 г. Опрос состоял из вопросов с выбором одного или нескольких вариантов ответа, вопросов

с выбором по шкале и вопросов с кратким ответом. Проблема метода онлайн-опроса состоит в ограниченных возможностях корректирования выборки со стороны исследователя после того, как опрос запущен. Также возможны проблемы с количеством респондентов: в нашем случае получилось 60 откликов, что составляет почти 30% от всех студентов, которые писали курсовые или выпускные работы в рассматриваемом году. Однако даже это весьма скромный результат со статистической точки зрения, вследствие чего мы не можем прибегнуть к регрессионному моделированию, а также приводим в тексте только те выводы, что нашли подтверждение на качественном материале. Помимо анализа материалов интервью и локальных НПА Университета и Департамента, в исследовании использовались описательный статистический анализ, анализ таблиц сопряженности с использованием критериев Пирсона и Фишера, ранговый корреляционный анализ и кластерный анализ методом k-средних.

Производство знания

Традиционно в российской академической среде базовым механизмом создания работы считается *взаимодействие автора со своим научным руководителем*. Поэтому представляется логичным начать анализ практик создания работы с описания этого взаимодействия, и в первую очередь с мотиваций обеих сторон. Хотя первичным стимулом студента выступает формальная угроза отчисления, этот мотив никогда не является единственным. Вторая важная группа стимулов связана с интересом к созданию собственной научной работы в принципе или с интересом к конкретной научной области. Этот интерес парадоксальным образом вытекает не только из достижений, но и из ограничений российской политологии: в интервью респонденты связывали свою заинтересованность с тем, что в России их тематика еще толком не осмыслена и не изучается.

При этом только каждый десятый респондент считает, что написанный им текст стал реальным вкладом в науку, но еще 60% уверены, что он мог бы таковым стать при соответствующей доработке. Объяснение того, почему научный потенциал студентов реализуется столь слабо, связано скорее с мотивацией, чем с от-

сутствием структурных возможностей роста. Так, при высоких показателях осведомленности (32%) и участия (20%) в Конкурсе научно-исследовательских работ студентов, который является логичным шагом в продвижении своей работы, лишь 17% студентов в принципе заинтересованы в построении академической карьеры.

В картине мотиваций преподавателей формальная основа взаимодействия (часы рабочей нагрузки, материальное вознаграждение) также вторична; напротив, подчеркивается содержательная значимость взаимодействия (развитие студента, собственное научное обогащение и т.д.). Таким образом, обе стороны склонны «всерьез» рассматривать подготовку работы как научный процесс.

В соответствии с этим основным критерием отбора студентами будущих руководителей выступает совпадение тем и исследовательских интересов (78%). Почти столь же важны факторы, связанные с личностью руководителя: личные симпатии к преподавателю (60%) и возможность постоянного контакта с ним (45%). Менее свойственно для студентов-политологов ориентироваться на стиль работы руководителя («держит в строгой колее» или «максимально лоялен») и его академический статус. Основным информационным сигналом оказывается впечатление о руководителе как о преподавателе, который вел у студента учебный курс. Опыт работы в формате преподаваемых курсов служит основным источником информации и для руководителей, но в данном случае объем известной им информации меньше, и такой опыт есть не всегда (отсюда угроза *неблагоприятного отбора*). Более того, даже наличие знаний о несовершенной подготовке студента расценивается преподавателями как *неэтичный* предлог для отказа в руководстве, по крайней мере в явном виде.

По критериям отбора выделяются три группы преподавателей. Первая, немногочисленная, имеет формальные входные требования (качество написанной программы исследования или предыдущей работы, владение английским языком или нужным методом). Вторая, наиболее массовая, единственным критерием согласия видит примерное совпадение исследовательских интересов. Наконец, члены небольшой третьей группы готовы идти дальше и брать студентов не только по своим прямым научным интересам («Я, как мать Тереза, помогаю всем, кто испытывает трудности с другими преподавателями» (II)). Свою роль также играют «фактор трансферта» от более загруженных к менее загруженным коллегам

той же исследовательской области и «фактор наследственности», когда преподаватель предоставляет преимущество тем, кто пишет с ним не первый год. В целом *среда поиска научных руководителей* оказывается достаточно неконкурентной и лояльной для студентов; исключение составляет небольшая группа из пяти-шести крайне популярных руководителей. Вместе с тем можно предположить зарождение локального тренда на усиление конкурентности, который задается этой группой сверхпопулярных преподавателей¹.

Студенты выделяют для себя три основные обязанности в процессе написания работы: соблюдать сроки и требования руководителя (75%); находиться в контакте и обеспечивать руководителя необходимой информацией (47%); написать работу достойного качества (40%). Примечателен источник этих установок. Говоря о первых двух обязательствах, студенты апеллируют не к формальным положениям регламента (где две эти обязанности прямо прописаны), а к личному авторитету и отношениям с руководителем. Некоторые прямо разводят эти понятия, утверждая, что *«если нет личного контакта, никаких формальных обязательств нет»* (C3). Даже в условиях жестко институционализированного процесса высшего образования решающим фактором здесь остаются нормы и связи внутри самого сообщества. Кроме того, многие студенты считают себя обязанными предоставить работу достойного качества, объясняя эту необходимость тем, что плохая работа студента ставит под удар репутацию руководителя в глазах коллег (*«Это как дети и родители, если дети что-то не так делают, то тень этого ложится и на родителей»*) (C4). Со своей стороны преподаватели отмечают риск потери вложенных ресурсов, риск дополнительных затрат времени в предзащитный период и эмоциональные риски от неудачи, но при этом единодушно отрицают наличие тех репутационных рисков, которыми обеспокоены студенты.

В инструментах взаимного влияния преобладают позитивные стимулы: со стороны студента – *прямой разговор* и *стимулирование руководителя с помощью высокого качества уже напи-*

¹ Данный прогноз впервые был сформулирован в апреле 2017 г. Несколько месяцев спустя в Департаменте было принято решение о формальном ограничении максимума студентов у одного руководителя; теперь руководитель официально вправе отбирать для работы лучших претендентов, что подтверждает сформулированный прогноз.

санных частей работы; со стороны руководителя – *прямой разговор, постановка заданий, организация встреч*, и лишь в некоторых случаях – *угроза отказа от студента*. Обращения к *внешнему арбитражу* достаточно редки; в качестве возможных инстанций для обращения лидируют учебный офис (68%) и руководитель образовательной программы (67%) (притом что локального студенческого омбудсмена такой инстанцией считают только 23% студентов). В то же время часть студентов полагают, что реальная эффективность такого обращения будет зависеть от *репутации* обеих сторон – как руководителя (молодой или сторонний преподаватель vs «свой» или маститый профессор), так и студента, что вновь возвращает нас к роли сообщества в модерировании процесса работы.

На основании кластерного анализа ответов студентов можно выделить три модели коммуникации с руководителем. Первая модель («симбиоз») характеризуется максимальной частотой контактов, последовательной сдачей отдельных частей работы, высокой полезностью вклада руководителя в работу, по мнению студента, и общей оценкой интенсивности взаимодействия в районе четырех баллов из пяти. Вторая модель («умеренная помощь») характеризуется средними значениями интенсивности, частоты и полезности контактов, не отличаясь от первой модели по формату сдачи работ, – эти студенты также присылали работу на проверку постепенно, по частям. Третья модель («автономия») имеет низкие параметры интенсивности и частоты коммуникации, низкую оценку полезности вклада руководителя и преобладающий формат сдачи работы «прислал сразу готовый текст, руководитель успел внести правки».

На уровне исследований аспирантского трека на сегодняшний день считается доказанным влияние вовлеченности научного руководителя и наличия у него заинтересованности в успехе аспиранта на вероятность итогового успеха [Малошонок, Терентьев, 2019, с. 12]. На основе имеющихся данных мы можем протестировать эту гипотезу применительно к уровню бакалавриата. Корреляционный анализ и анализ таблиц сопряженности демонстрируют отсутствие связи между качеством работы (измеренным как *итоговая* оценка за нее) и параметрами коммуникации с руководителем / оценкой полезности его вклада. Этот важный вывод можно проинтерпретировать двумя способами. Либо плотность контактов и полезность руководителя не имеют статистически значимого от-

ношения к качеству работы, либо итоговая оценка за работу не служит адекватным отражением ее качества. В любом из двух случаев этот вывод заставляет по-новому взглянуть на традиционные соображения о том, что представляет собой процесс производства и оценки научного знания в университете. Вместе с тем оценка руководителя за работу (как компонент итоговой оценки) также не связана с тем, насколько интенсивно студент с ним общался и какой вклад сам руководитель внес в работу. Этот вывод говорит в пользу наличия системы оценки-по-результатам и в целом отсутствия предвзятости руководителей в данном вопросе. Наконец показатели ученой степени, должности и возрастной группы руководителя тоже не связаны с параметрами коммуникации и полезностью вклада руководителя. В контексте возрастных групп это приводит к оптимистичному выводу: разные поколения ученых, пришедшие в политическую науку в разное время и с разным бэкграундом, могут быть по-своему полезны студентам.

Нужно сказать о завершении отношений между студентом и руководителем – в случаях, когда работа закончена или когда в процессе одна из сторон решает отказаться от взаимодействия. Случай перехода к другому руководителю остается редким явлением, даже при наличии неудовлетворенности положением дел, так как студент в таком случае меняет известный ему статус-кво на неопределенность («Смена руководителя может обернуться чем-то худшим, чем ты ожидаешь» (С5)). Кроме того, для студентов, работающих в узких предметных полях, возможность перехода ограничена количеством экспертов по данной теме. Со своей стороны преподаватели не торопятся отказаться от студента по этическим причинам. Таким образом, несмотря на формальную легкость взаимного отказа, структурный контекст и этика отношений создают довольно **высокие барьеры предварительного выхода**. В то же время опыт совместной работы значимо влияет на вероятность продолжения отношений. Для студентов остается более важным заделом на будущее отлаженный и комфортный процесс работы, а не ее конкретный сегодняшний результат. Это открывает возможность для «длинных инвестиций» со стороны руководителей: корректное выстраивание процесса работы способно стимулировать студента продолжать развитие в выбранном научном направлении.

Вспомогательным механизмом конструирования формы и содержания студенческих работ является сетевое сообщество студентов и преподавателей департамента. Сетевые связи широко привлекаются в процессе работы над текстом: более половины студентов хотя бы однократно обращались за помощью к преподавателям, не имевшим формального отношения к их работе, некоторые из них обращались несколько раз или к нескольким преподавателям. 45% также обращались за помощью к другим студентам. Просьбы касаются всех ключевых аспектов работы: исследовательского дизайна, методов сбора и анализа данных, содержательной части работы, оформления. Наконец, руководители сами нередко посылают студентов за помощью к другим коллегам или сами обращаются к ним («Мы сообщество, а не индивидуальные предприниматели» (П)).

На фоне значимой роли сообщества в производстве знания существует **безоговорочный консенсус** о том, что такие обращения – это *абсолютно нормальная практика, обусловленная здравым смыслом*. Кроме того, сетевое взаимодействие носит исключительно неформальный характер: все преподаватели считают помощь студентам академическим долгом, не требующим дополнительного поощрения. Статус консультанта либо оставляет преподавателей равнодушными, либо кажется им формальным обременением их коммуникации со студентом.

Единственным исключением из этого общего согласия является ситуация, когда плотное взаимодействие студента с другими преподавателями служит симптомом отсутствия эффективного контакта с научным руководителем. Сетевое взаимодействие ценится, но не тогда, когда научный руководитель оказывается *последним в очереди*. Это опасение не лишено оснований: тестирование гипотезы о «бегстве в сеть» через таблицы сопряженности показывает, что студенты, наиболее автономные от своих руководителей, действительно активнее всех остальных используют доступные сетевые ресурсы.

Оценка знания

Согласно Майклу Полани, оценка производимого знания – не случайный, привнесенный извне атрибут, а сущностная характеристика научного сообщества: именно через признание коллег

работа индивидуального ученого приобретает статус научного знания. В условиях Департамента эту роль играют обязательные **защиты курсовых и бакалаврских работ**, которые представляют собой наиболее явную форму аккумуляции знания и власти в одном месте.

По ходу предложенного выше описания того, каким образом студенты подготавливают свои академические тексты, у читателя могло сложиться ощущение, что тема власти, заявленная во введении, оказалась несколько «брошенной». Действительно, в контексте отношений студента и руководителя сложно говорить об эксплицитном, и тем более конфликтном проявлении власти одной из сторон. Взамен мы могли бы предполагать, что маячащая в конце этого пути «тень защит» должна иметь влияние на форму и содержание работы над текстом, инициировать стратегии адаптации к ожидаемым мнениям комиссии, что позволило бы говорить о делящейся во времени властной практике.

Однако, несмотря на крайне серьезное отношение к защитами (*Это «больная прививка» в конце года, это стресс и ответственность (С3)*), в долгосрочном периоде попытки адаптации нехарактерны для студентов. Только треть студентов готовы ориентироваться на «*общие мнения в Департаменте*» о должном облике работы; остальные либо готовы пренебречь этими мнениями, либо не верят в их существование (см. рис. 1). 42% готовы изменить методологию своей работы в угоду оценкам комиссии (см. рис. 2), но эту цифру следует интерпретировать, держа в уме то, что для половины студентов методология остается формальным, малозначимым моментом. То есть возможный отказ студента от своего методологического выбора не является реальным примером «правления предвиденных реакций», для которого необходимо противоречие между интересами двух сторон. Со своей стороны, научные руководители обычно также не стремятся ориентироваться на common sense Департамента (а некоторые прямо отвергают такую возможность). Наконец, преподаватели научно-исследовательского семинара, хотя и выполняют важную функцию «дисциплинарной подгонки» пограничных (практико-ориентированных или смежных с другой дисциплинарной областью) исследований под формальные требования программы, также не формулируют свои рекомендации исключительно с позиций удовлетворения вкусов комиссии.

Существуют ли в Департаменте общие мнения насчет того, что должно быть / чего не должно быть в курсовых и дипломных работах? Ориентируешься ли ты на эти мнения?

60 ответов

Рис. 1.
Ориентация на общие мнения в департаменте

Предположим, к твоему исследованию идеально подходит определенная методология, но ты точно знаешь, что в силу вкусовых предпочтений членов комиссии у тебя с ней будут проблемы на защите. Ты бы выбрал «правильную», но «опасную» методологию?

60 ответов

Рис. 2.
Выбор «опасной методологии»

Какие последствия может иметь такое положение дел? Исследовательская гипотеза в стиле Лакатоса состояла в том, что столкновение *исследовательских программ* может проявляться на защитах в форме конфликта **методологических предпочтений** участников, поскольку, как показали интервью, само содержание термина «методология» трактуется участниками по-разному, не говоря уже о ее роли и корректном использовании. Для тестирования гипотезы были сопоставлены данные об используемых студентами методологиях и о проблемах на защите по части методологии. Поскольку только 7% респондентов сталкивались с такими проблемами, можно утверждать, что такие проблемы отсутствуют как систематическое явление и не имеют статистически значимой связи с распределением выбранных методологий. Это подтверждается материалами интервью: сообщения о проблемах носят случайный характер и логически не выводятся из приверженности конкретной методологии¹.

По ходу исследования были выявлены примеры смещения в оценивании **содержательного аспекта**, т.е. используемых студентами концептов или подходов к проблеме. Это может быть несогласие по поводу релевантности применения тех или иных концептов для анализа российской политики, резкая реакция на суждения, касающиеся статуса отдельных политических фигур, общее неприятие целых тематических областей исследований. Таким образом, процесс утверждения знания о политике в качестве научного осложняется скорее не старыми методологическими расколами (*cleavages*) в политической науке, а растущей фрагментацией дисциплинарного поля в отношении *объекта* изучения [Алмонд, 2000], а также спецификой самих этих объектов: ввиду перманентного недостатка информации о многих из них (а также проблем нормативного характера) большое значение приобретают экспертные оценки, не выводимые напрямую из фальсифицируемых данных. Такое положение дел затрудняет возможность консенсуса при столкновении (например, в процессе защиты) экспертов с полярными точками зрения. О другом последствии высокой

¹ Показательно, однако, что почти половина студентов (45%) выбрали для своей работы методологическую рамку институционализма. Возможно, доминирование этого подхода в современной политической науке лежит глубже, на том уровне, где уже отпадает необходимость в его эксплицитном, конфликтном продвижении перед другими *исследовательскими программами*.

роли экспертных оценок будет сказано в заключительном параграфе раздела.

Наблюдая принятие решения в комиссиях «извне», большая часть студентов (почти 70%) уверены, что разница в академических статусах может сыграть роль в принятии общего решения. Идея состоит в том, что двое (или более) членов комиссии вступают в открытый конфликт, из которого победителем выходит тот, кто обладает более высоким академическим статусом. Однако имеющийся опыт защит показывает, что гетерогенность академических статусов нивелируется гомогенностью статусов присутствующих как членов комиссии благодаря формально закрепленной формуле оценивания: оценка комиссии рассчитывается как среднее арифметическое оценок ее членов. Соответственно, попытка любого из членов комиссии изменить исход с помощью своей доли может быть легко предотвращена остальными или даже одним из них.

Таким образом, на первом уровне возможное проявление власти оказывается заблокировано на уровне институциональных механизмов защиты. Однако дальше возникает вопрос: каждый ли решится воспользоваться ими, зная о долгосрочных издержках такого решения? Судя по всему, нет. Тому есть свидетельства со стороны молодых преподавателей: *Я не ориентируюсь на формальный статус, у нас их мало. Но бывают случаи, когда понимаешь – есть человек, который всем управляет в аудитории. Нет, никогда не было прямого давления. Но ты сам принимаешь во внимание (П)*. Аналогичным образом некоторые старшие коллеги признают этот факт молчаливого понимания.

Этот тип власти гораздо сложнее наблюдать в реальности в силу его скрытого характера, однако в качестве задела на будущее можно предложить дискурсивный подход к выявлению власти такого рода. Вот, например, типичный случай такого рода индикаторов в речи респондента: *Это полуформальный этикет: за кем слово, кто первый задаст вопрос студенту. Комментарии и замечания к моей работе преподавателями рангом ниже – они, по сути, являлись конкретизацией того, что имел в виду член комиссии статусом выше. Они повторяли вопросы, которые за них уже формулировали, они плыли в потоке дискуссии (С4)*.

Двигаясь к завершению, рассмотрим в контексте защит фигуру научного руководителя. Мнения студентов и преподавателей

в этом отношении сходятся в главном: присутствие на защите научного руководителя *имеет значение* и, при прочих равных, *способно повлиять* на оценку комиссии в сторону повышения. Распространены статусные объяснения такого влияния: чем выше ранг преподавателя, тем больше у него возможностей помочь студенту. Однако нам хотелось бы обратить внимание на другой источник такого влияния.

Мы не имеем намерения вдаваться в детали дискуссии о том, должны ли комиссии формироваться по профильному или по смешанному принципу. Проблема скорее в том, что принцип «как сейчас» на самом деле представляет собой третий путь: на данный момент комиссии не формируются ни по сугубо профильному, ни по смешанному принципу (так как смешанность предполагает репрезентативность разных направлений в каждой комиссии). Поэтому могут возникать такие сочетания комиссий и защищающихся, при которых ни один из членов комиссии не является экспертом в области представляемого исследования. Первое следствие этого состоит в том, что становится ключевой роль исследовательского дизайна, поскольку соблюдение его формальной структуры фактически остается *единственным доступным маркером* для оценивания. Таким образом, научное сообщество посылает молодым коллегам сигнал о том, что от них в первую очередь требуется умение вписать свое исследование в общий контекст и продемонстрировать его общую логику, а не его специфические содержательные или методологические аргументы.

Второе следствие состоит в том, что такое положение дел служит предпосылкой для потенциала *экспертной власти*: никто из респондентов-преподавателей не согласился с однозначной ролью формальных статусов, но некоторые признали, что в условиях непонимания той или иной темы они начинают ориентироваться на мнение руководителя или на разницу во мнениях руководителя и рецензента, отдавая приоритет тому, кто, по их мнению, является лучшим экспертом в данной проблематике. Таким образом, механизмы защит обнаруживают куда более тонкие основания для влияния, нежели зримая сила статусов, в силу своей очевидности институционально ограничиваемая.

Перспективы сравнительного подхода к конкретным контекстам знания

В данном исследовании была поставлена проблема производства знания о политике в формате работ студентов-политологов в конкретном образовательном и научном контексте. Двигаясь от более простых наблюдений к более сложным, мы сумели проблематизировать наши базовые представления об этом процессе. Роль научного руководителя в подготовке студенческой работы не имеет однозначной связи с ее качеством; в то же время современное многообразие исследовательских полей и подходов подталкивает участников к более плотному сетевому взаимодействию в масштабах маленького эпистемического сообщества. Нет оснований говорить о прямом давлении в духе первого лика власти Роберта Даля; в то же время возникают спорадические подтверждения более тонких, дискурсивных техник власти, фукольдианской связи власти и знания.

Вместе с тем, помимо всего прочего, собранные данные свидетельствуют и в пользу вывода, вполне очевидного для сторонников неоинституционального подхода: институционализация взаимодействий сокращает возможности для произвольного использования власти. В связи с этим наше внимание должно обратиться к кейсам других российских университетов – с другим уровнем или другими способами организации процесса подготовки студенческих работ. Тревожная гипотеза состоит в том, что снижение уровня институциональной защиты участников создает большие возможности для произвольного использования власти, что может напрямую влиять на качество итогового научного – или позиционируемого в таком качестве – продукта. Преодоленный российской политологией 30-летний рубеж – повод вспомнить о том, что любая система, в том числе система науки, требует для своего воспроизводства рекрутирования новых носителей ценностей и целей. И в этом контексте микроанализ практик российских университетов может стать способом для формулирования ответов на макровызовы, стоящие перед политической наукой в России.

Список литературы

- Алмонд Г. Отдельные столики: школы и секты в политической науке // Политическая наука. – 2000. – № 4. – С. 63–77.
- Борисова Е., Полищук Л., Суворов А. Академическая этика и мотивация студентов: история двух вузов. Препринт WP10/2013/03. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2013. – 44 с.
- Бурдые П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля // Sociologos 98. Поэтика и политика. – М., СПб.: Институт экспериментальной социологии: Алетейя, 1999. – С. 125–166.
- Вахштайн В.С. «Неудобная» классика социологии XX века: творческое наследие Ирвинга Гофмана. Препринт WP6/2006/05. – М.: ГУ ВШЭ, 2006. – 52 с.
- Кун Т. Структура научных революций. – М.: Прогресс, 1975. – 288 с.
- Куренной В. Уединение университетского философа // Логос. – 2007. – № 6 (63). – С. 63–74.
- Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. – М.: Медиум, 1995. – 235 с.
- Малошенок Н.Г., Терентьев Е.А. На пути к новой модели аспирантуры: опыт совершенствования аспирантских программ в российских вузах // Вопросы образования. – 2019. – № 3. – С. 8–42. – DOI: <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2019-3-8-42>
- Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. – М.: Прогресс, 1985. – 344 с.
- Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. – 416 с.
- Шатино И. Бегство от реальности в гуманитарных науках. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2011. – 368 с.
- Штраус Л. Введение в политическую философию. – М.: Логос: Праксис, 2000. – 364 с.
- Dahl R. The concept of power // Behavioral science. – 1957. – Vol. 2, N 3. – P. 201–215. – DOI: <https://doi.org/10.1002/bs.3830020303>
- Easton D. The new revolution in political science // The American political science review. – 1969. – Vol. 63, N 4. – P. 1051–1061. – DOI: <https://doi.org/10.2307/1955071>
- Feyerabend P. Explanation, reduction, and empiricism // Scientific explanation, space and time. Minnesota studies in the philosophy of science / H. Feigl, G. Maxwell (eds). – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1962. – Vol. 3. – P. 28–97.
- French J., Raven B. The bases of social power // Studies in social power / D. Cartwright (ed.). – Ann Arbor: University of Michigan: Institute for Social Research, 1959. – P. 150–167.
- Friedrich C. Constitutional government and politics. – N.Y.: Harper and Brothers, 1937. – 591 p.
- Gelman V. Political science in Russia: scholarship without research? // European political science. – 2015. – Vol. 14. – P. 28–36. – DOI: <https://doi.org/10.1057/eps.2014.33>

- Gerring J.* The case study: what it is and what it does // The Oxford handbook of comparative politics / C. Boix, S. Stokes (eds). – Oxford: Oxford university press, 2009. – P. 90–122.
- Graziano L.* The development and institutionalization of political science in Italy // International political science review. – 1987. – Vol. 8, N 1. – P. 41–57. – DOI: <https://doi.org/10.1177/019251218700800104>
- Haas P.* Epistemic communities // The Oxford handbook of international environmental law / D. Bodansky, J. Brunnée, E. Hey (eds). – Oxford: Oxford University Press, 2008. – P. 791–806.
- Ilyin M., Malinova O.* Political science in Russia: Institutionalization of the discipline and development of the professional community // Newsletter Social Science in Eastern Europe. – 2008. – June, Special Issue. – P. 4–11.
- Jerez Mir M.* The institutionalization of political science: the case of Spain // Spain in America: the first decade of the prince of Asturias chair in Spanish studies at Georgetown university / G. Castro, J.M. De Miguel (eds). – Madrid: Fundación Endesa: GU: Spanish Ministry of Education, 2010. – P. 281–329.
- Knorr-Cetina K.* The manufacture of knowledge: an essay on the constructivist and contextual nature of science. – Oxford: Pergamon Press, 1981. – 197 p.

I.A. Inshakov *

**Social construction of knowledge in political science:
evidence from the school of political science
in the NRU «Higher School of Economics»**

Abstract. The paper attempts to analyse a research university as a mechanism for the production of scientific knowledge in the form of student term papers and final qualification theses. To achieve this goal, the author turns to the traditional concepts of the sociology of science, the concept of power and the idea of an epistemic community. In empirical terms, the work is based on twenty interviews with students and lecturers of the Department of Political Science of the Higher School of Economics, as well as on the data of an online survey among students. The model of student interaction with scientific supervisor is considered as the main mechanism for the production of knowledge. It includes the consideration of the motivations and the selection criteria of the students and the advisors, the responsibilities and the mechanisms of influence, the opportunities for the early completion of the interaction and for the appellation to the external arbitration. Three interaction models with different levels of contact intensity are identified («symbiosis», «moderate assistance», «autonomy»); at the same time, the student's choice of a communication model does not have a statistically significant relationship with the advisor's mark, the final mark for the paper, as well as with the indicators of the academic degree, position and age group of the advisor. A network of

* **Inshakov Ilya**, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), e-mail: iinshakov@hse.ru

students and lecturers is seen as an accessory mechanism for the production of knowledge, which operates on the basis of an informal consensus about the desirability of mutual assistance, even in the absence of formal incentives. At the stage of papers' defense, there are no conflicts, which could be connected with the different methodological preferences of the participants; however, substantial differences are found that reflect the complex subdisciplinary structure of the contemporary political science. Finally, the author shows, that among three different forms of power, which are analysed in the research, the most important form is an expert power of supervisors or reviewers.

Keywords: Sociology of science; research university; epistemic community; methodologies of political science, decision-making power; expert power.

For citation: Inshakov I.A. Social Construction of Knowledge in Political Science: Evidence from the School of Political Science in the NRU «Higher School of Economics». *Political science (RU)*. 2020, N 1, P. 305–328. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.01.12>

References

- Almond G. Separate tables: schools and sects in political science. *Political science (RU)*. 2000, N 4, P. 63–77. (In Russ.)
- Borisova, E., Polishchuk, L., Suvorov, A. *Academic ethics and students' motivation: a tale of two universities*. Working paper WP10/2013/03. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2013, 44 p. (In Russ.)
- Bourdieu P. Rethinking the state: genesis and structure of the bureaucratic field. In: *Sociologos 98. Poetics and Politics*. Moscow, Saint Petersburg: Institute of experimental sociology, Aletheia, 1999, P. 125–166. (In Russ.)
- Dahl R. The concept of power. *Behavioral science*. 1957, Vol 2, N 3, P. 201–215. DOI: <https://doi.org/10.1002/bs.3830020303>
- Easton D. The new revolution in political science. *The American political science review*. 1969, Vol. 63, N 4, P. 1051–1061. DOI: <https://doi.org/10.2307/1955071>
- Feyerabend P. Explanation, reduction, and empiricism. In: *Scientific explanation, space and time. Minnesota studies in the philosophy of science*. Vol. 3. Ed. by H. Feigl, G. Maxwell. Minneapolis: University of Minnesota press, 1962, P. 28–97.
- French J., Raven B. The bases of social power. In: *Studies in social power*. Ed. by D. Cartwright. Ann Arbor: University of Michigan, Institute for Social Research, 1959, P. 150–167.
- Friedrich C. *Constitutional government and politics*. NY: Harper and Brothers, 1937, 591 p.
- Foucault M. *Discipline and punish: the birth of the prison*. Moscow: Ad Marginem Press, 2016, 416 p. (In Russ.)
- Gel'man V. Political science in Russia: scholarship without research? *European political science*. 2015, Vol. 14, P. 28–36. DOI: <https://doi.org/10.1057/eps.2014.33>
- Gerring J. The case study: what it is and what it does. In: *The Oxford handbook of comparative politics*. Ed. by C. Boix, S. Stokes. Oxford: Oxford university press, 2009, P. 90–122.

- Graziano L. The development and institutionalization of political science in Italy. *International political science review*. 1987, Vol. 8, N 1, P. 41–57. DOI: <https://doi.org/10.1177/019251218700800104>
- Haas P. Epistemic communities. In: *The Oxford handbook of international environmental law*. Ed. by D. Bodansky, J. Brunnée, E. Hey. Oxford: Oxford University Press, 2008, P. 791–806.
- Ilyin M., Malinova O. Political science in Russia: Institutionalization of the discipline and development of the professional community. *Newsletter social science in Eastern Europe*. 2008, June, Special Issue, P. 4–11.
- Jerez Mir M. The institutionalization of political science: the case of Spain. In: *Spain in America: the first decade of the prince of Asturias chair in Spanish studies at Georgetown University*. Ed. by G. Castro, J.M. De Miguel. Madrid: Fundación Endesa, GU, Spanish Ministry of Education, 2010, P. 281–329.
- Knorr-Cetina K. *The manufacture of knowledge: an essay on the constructivist and contextual nature of science*. Oxford: Pergamon Press, 1981, 197 p.
- Kuhn T. *The structure of scientific revolutions*. Moscow: Progress, 1975, 288 p. (In Russ.)
- Kurennoy V. Solitude of university philosopher. *Logos*. 2007, N 6 (63), P. 63–74. (In Russ.)
- Lakatos I. Falsification and the methodology of scientific research programmes. Moscow: Medium, 1995, 235 p. (In Russ.)
- Maloshonok N.G., Terentev E.A. Towards the new model of doctoral education: the experience of enhancing doctoral programs in Russian universities. *Educational Studies Moscow*. 2019, N 3, P. 8–42. DOI: <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2019-3-8-42> (In Russ.)
- Polanyi M. *Personal knowledge: towards a post-critical philosophy*. Moscow: Progress, 1985, 344 p. (In Russ.)
- Shapiro I. The flight from reality in the human sciences. Moscow: HSE Publishing House, 2011, 368 p. (In Russ.)
- Strauss L. *An introduction to political philosophy*. Moscow: Logos, Praxis, 2000, 364 p. (In Russ.)
- Vakhshayn V.S. «Embarrassing» classicality in XX century sociology: Erving Goffman's legacy. Working Paper WP6/2006/05. Moscow: Higher School of Economics, 2006, 52 p. (In Russ.)

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1.

Сравнительные характеристики выбранного кейса

Первоначальный отбор осуществляется на уровне университетов. За основу взят Рейтинг российских вузов экспертного агентства RAEX за 2016 г. (наиболее актуальный на момент сбора данных) и за 2019 г. (на момент написания статьи).

Таблица 1

Позиции университетов в рейтинге RAEX

Место	Рейтинг-2016	Рейтинг-2019
1	МГУ им. М.В. Ломоносова	МГУ им. М.В. Ломоносова
2	МФТИ	МФТИ
3	МИФИ	МИФИ
4	МГТУ им. Н.Э. Баумана	СПбГУ
5	СПбГУ	НИУ ВШЭ
6	НИУ ВШЭ	МГИМО МИД РФ
7	МГИМО МИД РФ	Томский политехнический университет
8	Томский политехнический университет	МГТУ им. Н.Э. Баумана
9	Новосибирский государственный университет	Санкт-Петербургский политехнический университет им. Петра Великого
10	Уральский федеральный университет им. Б.Н. Ельцина	Новосибирский государственный университет

Источник: сайт агентства RAEX¹.

Таким образом, выделяются *четыре университета*, стабильно входящие в топ-10 и включающие образовательные бакалаврские программы по политологии. Сопоставление их политологических программ осуществляется на основе двух критериев – образовательного (средний балл абитуриентов, зачисленных на бюджет) и научного (совокупный объем индекса Хирша у десяти сотрудников с наибольшим индексом в системах РИНЦ и Scopus).

Таблица 2

Средний вступительный балл на программы по политологии

Университет	Средний балл-2016	Средний Балл-2019
МГИМО	94,8	96,8
НИУ ВШЭ (Москва)	91,7	95,8
СПбГУ	89,7	95,8
МГУ	88,2	89,8

Источник: Мониторинг качества приема в вузы НИУ ВШЭ².

¹ Режимы доступа: <https://raexpert.ru/releases/2016/Jun01a/> (индекс 2016), <https://raex-a.ru/releases/2019/Jun05> (индекс 2019) (Дата посещения: 19.10.2019.)

² Режимы доступа: <https://ege.hse.ru/rating/2016/68401552/gos> (рейтинг 2016), <https://ege.hse.ru/rating/2019/81058583/gos> (рейтинг 2019) (Дата посещения: 19.10.2019.)

Таблица 3

10 ведущих сотрудников подразделений политологии¹

Подразделение	И×По Ринц-2019	И×По Scopus-2019
Факультет политологии МГИМО	295	16
Факультет политологии МГУ	277	17
Департамент политической науки ВШЭ	230	26
Факультет политологии СПбГУ	139	7

Источник: Научная электронная библиотека². База цитирований Scopus³.

Таким образом, мы видим, что Департамент политической науки ВШЭ занимает 2-е место по критерию образования и, будучи на третьей строчке по цитированию в РИНЦ, занимает лидирующую позицию по цитированиям в Scopus. Мы полагаем, что эти показатели дают достаточное обоснование считать профильный Департамент ВШЭ одним из «флагманов» политологии в стране и изучать его в качестве «выдающегося» случая.

¹ Цифры могут незначительно колебаться, в зависимости от включения / исключения конкретных фигур. Так, в случаях МГИМО и ВШЭ, прошедших через объединение политологических подразделений с подразделениями по государственной и муниципальной политике, сотрудники последних не рассматриваются как не имевшие отношения к студентам-политологам на момент начала 2017 г.

² Режим доступа: <http://elibrary.ru> (Дата посещения: 19.10.2019.)

³ Режим доступа: www.scopus.com (Дата посещения: 19.10.2019.)